

На правах рукописи

Ермакова Любовь Алексеевна

**ГЕНДЕРНО МАРКИРОВАННЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА
В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ**

Специальность: 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Ярославль
2018

Работа выполнена на кафедре отечественной филологии и журналистики
ФГБОУ ВО «Костромской государственной университет»

Научный руководитель: **Фокина Мадина Александровна,**
доктор филологических наук, профессор, профессор
кафедры отечественной филологии и журналистики
ФГБОУ ВО «Костромской государственной университет»

Официальные оппоненты: **Лаврова Светлана Юрьевна,**
доктор филологических наук, профессор, профессор
кафедры отечественной филологии и прикладных
коммуникаций ФГБОУ ВО «Череповецкий
государственный университет»

Коробейникова Анна Александровна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры
русской филологии и методики преподавания
русского языка ФГБОУ ВО «Оренбургский
государственный университет»

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

Защита диссертации состоится «24» мая 2018 г. в 11:00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.307.05 по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук при ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского» по адресу: 150000, г. Ярославль, Которосльская наб., д. 46-в, ауд. 506.

Отзывы об автореферате направлять по адресу: 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1, диссертационный совет Д 212.307.05.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского» по адресу: 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1, а также на сайте <http://yspu.org/>.

Автореферат разослан «   » _____ 2018 г.

Учёный секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук, доцент

Л.И. Зими́на

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемое диссертационное исследование посвящено изучению гендерно маркированных языковых средств в поэтическом дискурсе Марины Цветаевой.

Особое место в лингвистических исследованиях последних лет занимают вопросы, связанные с конструированием образа мужчины и женщины в языковом сознании и моделированием гендерной идентичности при помощи языка. Гендерная проблематика начала развиваться в современной лингвистической парадигме позже, чем в других гуманитарных науках. К настоящему времени накоплен значительный теоретический материал по вопросам гендера и гендерное измерение активно применяется при решении конкретных лингвистических и литературоведческих задач.

Выбор художественной литературы XX века для комплексного анализа гендерно маркированных языковых единиц не случаен и обусловлен тем, что текстовая картина мира, как утверждает В.Б. Касевич, менее консервативна, чем языковая картина мира [Касевич 1996: 211]¹, и наиболее точно отражает концептуальную картину мира, так как постоянно ищет новых средств выражения для возникающих оттенков эволюционирующих смыслов. Наше исследовательское внимание остановилось на поэтических текстах художественной культуры прошлого столетия в связи с тем, что, как замечает М.Н. Эпштейн, «судьба лирика легче и нагляднее, чем судьба эпика или драматурга, поддается символическому, универсальному переосмыслению, – ибо сам поэт уже намечает и предлагает такое переосмысление в лице своего лирического героя» [Эпштейн 2016: 29]².

Избрание поэтического наследия М. Цветаевой в качестве объекта изучения можно объяснить спецификой культурной ситуации первой половины XX века. Периодом переосмысления роли женской языковой личности в творческой деятельности стал Серебряный век. На этом этапе развития литературы признаётся способность женщины на художественное самовыражение и её стремление отвоевать место в культурном пространстве, принадлежащем до этого преимущественно мужчине. Серебряный век выдвинул значительное количество поэтесс (Анна Ахматова, Зинаида Гиппиус, Поликсена Соловьёва, София Парнок и др.), которые ставят на первый план ощущения и переживания женщины и её взаимоотношения с окружающим миром. Из всей плеяды великих русских поэтов XX в. Марина Цветаева стоит обособленно по ряду причин. Прежде всего потому, что её творчество – «тот уникальный случай, когда <...> ощущение амбивалентности, двойственности природы человеческого существования превратилось в материал искусства» [Бродский 2010: 155]³: с одной стороны, её поэзию пронизывает оппозиция феминности и маскулинности, с другой – в ней гармонично соединяются и отражаются различные ипостаси мужского и женского: *Я – он, верней сказать: одета // Как мальчик – как бы вам сказать? // Я – девочка...*

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью изучения

---

¹ Касевич В.Б. Буддизм. Картина мира. Язык. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. – 288 с.

² Эпштейн М.Н. Поэзия и сверхпоэзия: О многообразии творческих миров / М.Н. Эпштейн. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 480 с.

³ Бродский И.А. Власть стихий: эссе. – СПб.: Издательская Группа «Азбука-классика», 2010. – 224 с.

поэтических текстов Серебряного века с позиции современных достижений в области филологии. Значительным образом расширив круг своих методологических возможностей и начав активно учитывать социокультурные параметры при разработке проблем лингвистического характера, наука о языке до настоящего времени не предложила адекватных алгоритмов описания гендерно маркированных языковых средств. Несмотря на то что существует целый ряд исследований, посвящённых рассмотрению концептуального содержания поэтического наследия М. Цветаевой [Е.В. Дзюба 2001; С.Ю. Лаврова 2000; В.А. Маслова 2004; О.Ю. Шишкина 2003 и др.], тема данного исследования представляется актуальной, так как поэтические тексты М. Цветаевой прежде не исследовались в гендерном аспекте, и такие важные концептуальные комплексы, как «Мужчина» и «Женщина», не становились предметом самостоятельного монографического изучения.

Научная новизна исследования определяется тем, что впервые в рамках одной исследовательской работы предпринимаются попытки комплексного филологического анализа поэтического дискурса М. Цветаевой в русле гендерной лингвистики, осуществляется лингвистический анализ концептуальных полей «Мужчина» и «Женщина». Рассмотрение художественной картины мира в гендерной парадигме способствует раскрытию гендерных стереотипов, бытовавших в культуре определённой эпохи, а также установлению индивидуально-авторского содержания, вкладываемого поэтом в осмысление действительности.

Гипотеза исследования. Гендерная маркированность языковых средств в поэтическом дискурсе М. Цветаевой выражается эксплицитным и имплицитным способами с помощью системы лексических и грамматических средств, участвующих в создании приёмов художественной выразительности. Комплексное изучение гендерных концептов помогает соотнести языковую картину мира с индивидуально-авторской действительностью, моделируемой творческим сознанием поэта, что способствует более глубокому пониманию специфики поэтического идиостиля и своеобразия языковой личности Марины Цветаевой.

Объектом настоящего диссертационного исследования являются стихотворные произведения М. Цветаевой, анализируемые как единый поэтический дискурс.

Дискурс понимается нами как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами»; «речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие» [Арутюнова 1990: 136-137]⁴; «коммуникативное событие между креативным (производящим) и рецептивным (воспринимающим) сознаниями» [Тюпа 2009: 273]⁵. Термин *дискурс* используется нами как родовое понятие по отношению к терминам *текст* и *произведение*, являющимся видовыми понятиями.

Предмет изучения – гендерно маркированные языковые средства

---

⁴ Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137.

⁵ Тюпа В.И. Анализ художественного текста: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / В.И. Тюпа. – 3-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2009. – 336 с.

(лексические, морфологические, синтаксические и стилистические) в поэтическом дискурсе М. Цветаевой. Большое внимание уделяется прежде всего комплексному анализу поэтической лексики, являющейся доминантным уровнем любого художественного текста [Болотнова 1992]⁶, так как ключевая информация концептуального и гендерного характера реализуется преимущественно лексикой. По мнению Ю.М. Лотмана, в целостной структуре поэтического текста «именно уровень лексики является тем основным горизонтом, на котором строится всё основное здание его семантики» [Лотман 1994: 159]⁷.

Цель работы заключается в выявлении и интерпретации гендерно маркированных языковых средств, участвующих в формировании образа мужчины и женщины в поэтических текстах М. Цветаевой, что поможет определить специфику художественной модели мира поэта, яркие черты её языковой личности и своеобразие поэтического идиостиля.

Под *языковой личностью* в исследовании понимается «любой конкретный носитель того или иного языка-культуры, охарактеризованный на основе анализа произведённых им текстов с точки зрения специфики использования в этих текстах системных строевых средств данного языка для отражения видения и оценки им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определённых целей в этом мире»; «комплексный способ описания языковой способности индивида, соединяющий в себе системное представление языка с функционированием его в процессах порождения текстов» [Караулов 1997: 671]⁸.

Идиостиль трактуется нами как индивидуальный стиль автора, совокупность свойств, индивидуально характеризующих его манеру, слог. Идиостиль как «совокупность глубинных текстопорождающих доминант и констант определённого автора» [Фатеева 2003: 17]⁹ обусловлен мировоззрением писателя, художественно-эстетическими принципами его творчества, уровнем культурно-языковой компетенции художника слова.

Для выполнения данной цели ставятся следующие **исследовательские задачи**:

- 1) проанализировать современную научную литературу, посвящённую гендерным и когнитивным исследованиям, с целью формирования понятийно-терминологического аппарата и создания теоретической базы исследования;
- 2) выявить особенности гендерной семантики анализируемых языковых средств в поэтических произведениях разных жанров (лирическое стихотворение, поэма, поэма-сказка);
- 3) определить основное содержание концептуальных полей «Мужчина» и

---

⁶ Болотнова Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня / Н. С. Болотнова; Под ред. С.В. Сыпченко; Том. гос. пед. ин-т. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1992. – 309 с.

⁷ Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М.: Гнозис, 1994. – С. 11–258.

⁸ Караулов Ю.Н. Языковая личность // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. – С. 671–672.

⁹ Фатеева Н.А. Поэт и проза: книга о Пастернаке. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – 400 с.

«Женщина», выявить место и роль гендерно маркированных лексических единиц в структуре и семантике концептуальных полей;

4) осуществить анализ индивидуально-авторских метафор, представляющих отдельные сегменты концептуальных полей «Мужчина» и «Женщина»;

5) охарактеризовать систему способов и приёмов актуализации гендерной семантики, отражающих специфику языковой личности М. Цветаевой;

6) составить частотные словари гендерных номинаций, актуализирующих концепты «Мужчина» и «Женщина» в поэтическом дискурсе М. Цветаевой.

Научно-теоретическую базу исследования составляют работы отечественных и зарубежных исследователей по:

- гендерной лингвистике: Е.И. Горошко (2001, 2005), А.В. Кирилина (1998, 1999, 2000, 2002, 2004, 2005, 2010), В.И. Коваль (2007), Л.Н. Козлова (2008), О.В. Комиссарова (2010, 2011), О.В. Лаврова (2007), Д.В. Минец (2012), И.А. Морозова (2007), З.И. Резанова (2011), О.В. Рябов (1996, 1999, 2001, 2004), Н.А. Фатеева (2002, 2003), Н. Kotthoff and R. Wodak (1998), Sarah Mills (2008) и др.;

- когнитивной лингвистике и лингвокультурологии: Н.Ф. Алефиренко (2010), В.А. Ефремов (2009, 2011), Ю.Н. Караулов (1999, 2010), М.И. Конюшкович (2002), В.В. Красных (2002), Е.С. Кубрякова (1997, 2001, 2003), В.А. Маслова (2001, 2004, 2009), З.Д. Попова (2001, 2010), И.А. Стернин (2001, 2010), В.Н. Телия (1996), Г.В. Токарев (2007) и др.;

- лингвистической семантике: Н.Ф. Алефиренко (2005), Ю.Д. Апресян (1995), И.В. Арнольд (1999), И.В. Глазкова (2004), И.М. Кобозева (2000), Г.В. Колшанский (2010), М.А. Кронгауз (1996, 2005), М.В. Никитин (2007), Л.А. Новиков (1982), А.Б. Пеньковский (2004) и др.;

- теории художественного текста и анализа дискурса: Н.С. Болотнова (1992, 2007а), И.Р. Гальперин (2016), Л.В. Зубова (1989), Ю.В. Казарин (1999, 2004), А.А. Коробейникова (2008), Н.А. Купина (1983, 2013), Ю.М. Лотман (1992, 2014, 2016), Н.А. Николина (2008), Л.А. Новиков (2007), В.И. Тюпа (2009), Н.А. Фатеева (2002, 2003), М.А. Фокина (2013), В.Е. Чернявская (2009) и др.;

- языковой личности М. Цветаевой: С.И. Ельницкая (1990), Е.Б. Коркина (1987), И.В. Кудрова (2006, 2007), С.Ю. Лаврова (2000), М.В. Ляпон (2010), В.А. Маслова (2000, 2004, 2006), О.Г. Ревзина (1991, 1998, 2006, 2009), А.А. Саакянц (1986), И.Д. Шевеленко (2015), Н.М. Шевченко (2014) и др.

Методы исследования: метод семантического анализа языковых единиц, оппозитивный метод, метод концептуального анализа гендерно маркированных языковых средств, описательно-аналитический метод, метод контекстуального анализа языковых единиц, таксономический метод, статистический метод и др.

Методика комплексного анализа языка поэзии М. Цветаевой основывается на принципах дискурсивного анализа художественного текста [Чернявская 2009]¹⁰.

Характеристика материала исследования. Основным источником исследования явилось «Собрание сочинений М. Цветаевой в 7 томах» (М., 1994 – 1996), тт. 1-3. Отбор материала осуществлялся методом сплошной выборки всех имеющихся в поэтическом дискурсе М. Цветаевой номинаций мужчины и

---

¹⁰ Чернявская В.Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. Учебное пособие. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 248 с.

женщины, выраженных субстантивированными формами, что позволило максимально систематизировать и адекватно проанализировать языковой материал. Анализу подверглись 1331 стихотворение, 13 поэм и 3 поэмы-сказки, содержащие 1399 гендерно маркированных лексем, отражённых в 5696 случаях словоупотребления.

Теоретическая значимость диссертационного исследования обусловлена тем, что в нём разрабатывается комплексная методика анализа гендерно маркированных языковых средств в художественном тексте, а также предпринимается попытка смоделировать концептуальные поля наиболее значимых художественных концептов в творчестве М. Цветаевой.

Практическая значимость работы заключается в том, что полученные данные можно применить в учебном процессе на практических и семинарских занятиях в вузе по лексикологии, стилистике, когнитивной лингвистике, гендерной лингвистике, филологическому анализу текста. Более того, предложенную методику описания гендерно маркированных языковых средств можно использовать при рассмотрении гендерных концептов в произведениях других авторов. Разработанные приёмы анализа поэтического текста могут использоваться при описании метафорической репрезентации художественных образов и концептов в творчестве других поэтов, а также при составлении словарей языка писателя.

Личный вклад соискателя в получении результатов, изложенных в диссертации.

1. Разработана и обоснована методика комплексного анализа гендерно маркированных языковых средств, которая включает семантический и концептуальный анализ исследуемых языковых единиц.

2. Определена роль смысловых оппозиций *мужское – женское* в структурно-семантической организации поэтического дискурса М. Цветаевой.

3. Проведён анализ концептуальных полей гендерных концептов «Мужчина» и «Женщина» в поэтическом творчестве автора.

4. Составлен полный словарь поэтических лексем, именующих лиц мужского и женского пола; определена частотность их употребления.

5. Осуществлён анализ способов и приёмов актуализации гендерной семантики в поэтических произведениях М. Цветаевой.

На защиту выносятся следующие положения.

1. Семантическая оппозиция *мужчина – женщина* в поэтическом дискурсе Марины Цветаевой выполняет важную смыслообразующую функцию и отражает систему духовных ценностей автора.

2. В поэзии М. Цветаевой преобладает эксплицитный способ актуализации гендерной семантики, которая на лексическом уровне выражена в основном именами существительными (нарицательными и собственными), создающими в тексте смысловые оппозиции. На морфологическом уровне гендерные смыслы активно выражены грамматической категорией рода и с помощью суффиксации. В области синтаксиса используются аппозитивные конструкции, в которых имя существительное в роли определения характеризует мужчину или женщину.

3. Структурирование концептуальных полей «Мужчина» и «Женщина» помогает определить их место и роль в концептосфере поэтического дискурса

М. Цветаевой, выявить ключевые средства актуализации гендерных смыслов.

4. Периферийные зоны и область пересечения двух концептуальных полей отражают своеобразие индивидуально-авторской картины мира, раскрывают особенности творческой концептуализации гендерных представлений автора.

5. В частотном словаре гендерных номинаций преобладают лексемы, которые объективируют концепт «Мужчина», однако развёрнутая представленность метафорической системы концептуального поля «Женщина» свидетельствует также о важности данного концепта в поэтической картине мира М. Цветаевой.

6. Усиление гендерных смыслов осуществляется в процессе конвергенции стилистических приёмов: с помощью гендерно маркированных языковых средств создаётся система художественных приёмов выразительности (индивидуально-авторская метафора, контраст, перифраза, гипербола, градация, антитеза), которые отражают специфику поэтического идиостиля М. Цветаевой.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты исследования были представлены в виде докладов на двух международных научных конференциях «Духовно-нравственные основы русской литературы» (Кострома: май 2011 г., апрель 2013 г.); международной научно-практической конференции «Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения единиц языковой номинации» (Кострома: март 2012 г.); международной научной конференции «Проблемы семантики и функционирования языковых единиц разных уровней» (Иваново: сентябрь 2012 г.); на круглом столе «Современные проблемы филологического анализа текста» (Кострома: октябрь 2013 г.); международной научно-практической конференции «Фразеологизм и слово в художественном, публицистическом, народно-разговорном дискурсах» (Кострома: март 2016 г.); межвузовской научной конференции с международным участием «XI Кирилло-Мефодиевские чтения», посвящённой Дню славянской письменности и культуры и международному дню филолога (Кострома: май 2017 г.).

Результаты диссертационного исследования отражены в 8 публикациях, в том числе 4 статьи – в ведущих рецензируемых научных журналах, входящих в перечень изданий, рекомендованных ВАК РФ. Общий объём публикаций составил 3,8 п.л.

Соответствие паспорту специальности. Отражённые в диссертации научные положения соответствуют паспорту специальности 10.02.01 – «Русский язык», в частности, следующим областям исследования:

– п. 6. Семантика русского языка: Исследования в области русской языковой картины мира. Пространство и время в русской языковой картине мира. Образ человека в русской языковой картине мира. Культурно-значимые концепты русской языковой картины мира.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, трёх глав, выводов по каждой главе, заключения, списка использованной и цитируемой литературы, включающего 260 наименований (в том числе 21 исследование на английском языке, 17 словарей и справочных изданий), 6 приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснованы актуальность темы диссертационного исследования, её научная новизна, теоретическая и практическая значимость;

определены цель, задачи, объект и предмет исследования, а также другие сведения, относящиеся к методологическому аппарату исследования, приводятся положения, выносимые на защиту.

В **Главе 1 «Проблемы гендерных исследований в современной филологии»** излагаются и обосновываются ключевые теоретические положения диссертации; даётся краткое описание истории становления гендерных исследований в отечественной филологии; уточняется терминологический аппарат гендерной лингвистики; рассматриваются актуальные проблемы изучения гендерной маркированности языковых единиц на материале художественного текста; анализируется роль гендерных стереотипов, функционирующих в составе гендерных концептов.

Гендер понимается нами как «конвенциональный идеологический конструкт, в котором аккумулированы представления о том, что значит быть мужчиной или женщиной в данной культуре» [Гриценко 2005: 6]¹¹.

В актуальном научном описании изучение гендера, являющегося компонентом коллективного и индивидуального сознания, предполагает его рассмотрение как когнитивного феномена, проявляющегося не только в речевом поведении индивидов, но и в стереотипах, зафиксированных в языке. В связи с этим современные учёные приходят к выводу, что исследование гендера вне когнитивной лингвистики невозможно.

Проблема гендерной маркированности является одной из ключевых в лингвистической гендерологии. Она заключается в «определении в языке маркеров, эксплицитно или имплицитно указывающих на присутствие гендерной семантики» [Коробейникова 2008: 35]¹².

Все без исключения исследователи, учитывающие роль гендерного фактора в процессе осмысления различных филологических проблем, указывают на то, что изучение гендерной фактуры языкового материала способствует формированию нового взгляда на литературное произведение и расширяет границы существующих направлений интерпретации текста. В связи с этим исследователи всё чаще обращаются к художественному тексту как неисчерпаемому источнику, хранящему сведения о проявлении гендера на разных уровнях языка. Следует отметить, что до сих пор не сложился чёткий алгоритм гендерного анализа художественного произведения. На данный момент преобладают работы литературоведческого характера, в которых рассмотрению подвергаются прозаические тексты. Поэзия ввиду специфичности своего жанра и своеобразия реализации образа лирического героя/героини исследуется значительно реже.

В диссертации сделан вывод о том, что при исследовании гендерно маркированных языковых средств в поэтическом дискурсе необходимо уделять особое внимание следующим особенностям: а) отбору номинаций, эксплицитно или имплицитно указывающих на лиц мужского и женского пола; б) определению места гендерно маркированных единиц в структуре и семантике поэтического

---

¹¹ *Гриценко Е.С.* Язык как средство конструирования гендера: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Гриценко Елена Сергеевна. – Н. Новгород, 2005. – 405 с.

¹² *Коробейникова А.А.* Мужчина глазами женщины: лексический аспект (на материале женской поэзии XX века): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Коробейникова Анна Александровна. – Оренбург, 2008. – 173 с.

произведения; в) построению концептуальных полей, отражающих художественное представление автора о совокупности ролей, присущих мужчинам и женщинам; г) интерпретативному анализу концептов, объективированных лексемами *мужчина* и *женщина*, как полевых образований в структуре индивидуально-авторского поэтического дискурса.

Глава 2 «Своеобразие гендерно маркированных языковых средств в поэзии М. Цветаевой» посвящена описанию и систематизации гендерно маркированных языковых средств в поэтических текстах М. Цветаевой. Особое внимание уделяется семантическим оппозициям, проявляющимся в том числе в ономастиконе поэта. Детально рассматриваются два поэтических произведения М. Цветаевой: стихотворение «Попытка ревности» и поэма-сказка «Царь-Девница».

Одним из доминирующих приёмов смысловой организации текста в поэзии М. Цветаевой является семантическое противопоставление, участвующее в создании образов мужчины и лирической героини, формирующее субъективно-авторскую оценку действительности. Контраст сопутствует художественному освоению мира, а противопоставляемые слова часто воспринимаются как опорные, ключевые единицы и становятся словами-доминантами, характеризующими представления художника о мироздании [Вологова 2005: 43]¹³. Насыщенность цветаевской лирики смысловыми оппозициями подтверждает совмещение в ней самой противоречивых свойств и качеств, что неоднократно отмечалось критиками и исследователями её творчества (М. Волошин, Н. Гумилёв, И. Кудрова, О. Ревзина, В. Ходасевич, М. Шагинян и др.). Именно благодаря контрастной семантике и через сопоставление находящихся в смысловой оппозиции языковых единиц М. Цветаевой удаётся запечатлеть многоликий, разноголосый и многогранный мир.

Под термином **семантическая оппозиция** понимаются «коррелирующие в рамках семантического поля лексические единицы, противопоставленные на уровне денотативного, а также (или) эмотивного компонентов лексического значения (и, как следствие, на уровне собственно-языкового компонента значения (парадигматического, синтагматического и стилистического микрокомпонентов лексической семантики))» [Глазкова 2004: 4]¹⁴.

В поэтических произведениях М. Цветаевой мы обнаружили 246 смысловых оппозиций, выраженных преимущественно нарицательными существительными (одушевлёнными и неодушевлёнными) и субстантивированными прилагательными (190 пар), а также именами собственными (56 пар), которые образуют антонимические отношения и противопоставляют мужское и женское начала.

Смысловые оппозиции в творчестве М. Цветаевой можно разделить на стилистически однородные и стилистически неоднородные.

К стилистически однородным в первую очередь относятся пары однокоренных слов, внутри которых противопоставление лиц мужского и женского пола выражено как лексически, так и грамматически. Указание на лицо осуществляется посредством аффиксальных морфем *-ин-*, *-иц-*, *-к-* и окончанием:

¹³ Вологова Т.С. Антонимические номинации в поэзии В.С. Высоцкого: дис. ... канд. филол. наук.: 10.02.01 / Вологова Татьяна Сергеевна. – СПб.: РГПУ, 2005. – 215 с.

¹⁴ Глазкова И.В. Семантические оппозиции в публицистике на рубеже XX-XXI веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Глазкова Ирина Викторовна. – М., 2004. – 25 с.

бог – богиня (Только памятью смутил // **Бог – богиню**); сосед – соседка (Тебе приглянулась – **соседка**, // А мне приглянулся – **сосед**); счастливец – счастливица (Есть **счастливыцы и счастливицы**, // **Петь не могущие**) и др. Также указание на лицо может быть выражено одним окончанием, выполняющим функцию родовой форманты: пав – пава (Пошел парнем – // Вернусь парой! // **Пав да с па-вою...**); супруг – супруга (Вся разница: **супруг** – в охоту // Влюблён, в охотника – **супруга!**). Деривационный способ выражения гендерной оппозиции в вышеупомянутых парах предполагает образование лексем, обозначающих лицо женского пола, от существительных, называющих лицо мужского пола. В подобных случаях М. Цветаева не отстывает от языкового канона и, несмотря на свою страсть к словотворчеству (*хвататели, чесатели, злецы* и др.), вводя слова, называющие лиц разного пола, в оппозицию, придерживается общепринятых словообразовательных моделей.

В группу стилистически однородных номинаций входят также разнокоренные пары, в которых именуется лица разного пола, но равного социального статуса или положения, а также лица, связанные родственными отношениями и/или обладающие определёнными возрастными характеристиками, например: бабка – дед (Ровно не жила еще: // **Дед с бабкой не спелися!**), девочка – мальчик (**Мальчик**, иди же, беги же скорей: // **Девочка ждёт!**) и др.

Встречаются также стилистически неоднородные оппозиции, в которых одному компоненту (преимущественно женщине) даётся отрицательная оценка по психологическим, моральным или умственным качествам. В таких случаях семантические акценты ложатся на прочно вошедшие в язык стереотипы, согласно которым женщине присущи многие пороки, недостатки и слабости. Среди них: бабёнка – мальчик (И стоит **бабёнка** шалая // Над **мальчиком...**); простая служанка – сын господский (**Простой служанке** – не судьба // Прекрасный **сын господский!**); блудница – выученик школ (Ты зовешь меня **блудницей**: – Слушай, **выученик школ!** // Надо мне, чтоб гость был вежлив, // Во-вторых – чтоб ты ушел...); девка – поэт, дочь – сын (Будут **девками** ваши **дочери** // И **поэтами** – **сыновья!**) и др. Ярким примером служит стихотворение, построенное не только на лексическом, но и на композиционном типе контраста: *Полюбил богатый – бедную, // Полюбил учёный – глупую, // Полюбил румяный – бледную, // Полюбил хороший – вредную, // Золотой – полушку медную.* Рамочная структура стихотворения усиливает семантическое противоречие лирического произведения: *Не люби, богатый, – бедную, // Не люби, учёный, – глупую, // Не люби, румяный, – бледную, // Не люби, хороший, – вредную, // Золотой – полушку медную!*

Оппозиции, в которых обнаруживается покровительственный оттенок отношения женщины к мужчине или отрицательная оценка мужчин, немногочисленны, например: богатая невеста – бедняк-флейтист (Я – **богатая невеста**: // Жемчуга, луга. // Мне повсюду честь и место, // Мне весь свет – слуга. // Белый голубь в клетке белой, // Цвёл у липы-лист. // Ах, на горе – полюбился // Мне **бедняк-флейтист...**); первая дева – первый встречный (Ратсгерры белым // Полнятся гневом: // – **Первую** в целом // Городе – **деву?** // **Первому?** – bravo! // **Встречному?** – ново!) и др. Как правило, такие пары не являются устойчивыми языковыми оппозициями, а выступают индивидуально-авторскими противопоставлениями, в которых один из компонентов приобретает

отрицательную коннотацию.

Смысловые оппозиции рассматриваются нами на лексическом и грамматическом уровнях, а также в системе тропов и фигур речи. В линейно-синтагматической организации текста явление оппозиции находится в тесной взаимосвязи с принципом контраста. Оппозиция и контраст представляют собой «своеобразный стержень» синтаксического развёртывания текста, который «пронизывает все уровни последнего и обеспечивает структурно-смысловое единство» [Кулешова 2014: 4]¹⁵.

Большое количество номинаций входит в оппозиции, созданные синтаксическими средствами при помощи предлогов и союзов: 1) непроизводного предлога *с*, который указывает на совместность и сочетание предметов/признаков, например: *брат с сестрой; Маринушка с Егорушкой; муж с женою; дед с бабушкой; краса с другом; жена с мужем*; 2) предлога *у*, обозначающего владельца, например: *сто подружек у дружка*; 3) предлога *без*, указывающего на отсутствие чего-либо, например: *девушка без друга*; 4) союза *же*, обозначающего противопоставление одного предложения другому: *Он был синеглазый и рыжий, // (Как порох во время игры!) // Лукавый и ласковый. Мы же // Две маленьких русых сестры*.

Некоторые оппозиции образуют союзные открытые ряды, оформляющие отношения соединения (*Рядом – женщина, в любовной науке // И Овидия и Сафо мудрей*) и отношения неразличения (*Ни юный чтец, ни чтица // Прекрасная не помнят до сих пор, // Как книжка соскользнула на ковёр*). Последовательное повторение одной и той же части союза перед каждым элементом в структуре союзных рядов свидетельствует об их тождественной роли в составе ряда, нивелируя гендерные различия у членов оппозиций. Закрытые ряды с синтаксически дифференцированными членами могут создавать градационные отношения: *Во образе прелестном сем смущён // Не только Цицерон – сама Венера!* Между компонентами ряда возникает различие по степени проявления качества, второй член оппозиции не только гендерно противопоставлен первому члену, но и указывает на своё доминирующее положение, то есть градационный ряд (*не только Цицерон – сама Венера*) в данном случае можно считать восходящим.

Отличительной особенностью цветаевской лирики является элемент перверсии и нейтрализации оппозиций [Ревзина 2009: 92]¹⁶, подчёркивающий энантиосемичность сопоставляемых объектов. Перверсивная оппозиция предполагает переход качеств и характеристик, которыми наделён один член противопоставления, на другой, что особенно ярко проявляется при рамочной организации текста, например: *В мое окошко дождь стучится. // Скрипит рабочий над станком. // Была я уличной певицей, // А ты был княжеским сынком... // И напилась же я в ту ночку! // Зато в блаженном мире – том – // Была я – княжескою дочкой, // А ты был уличным певцом!* В начале стихотворения задаётся корреляция «мужчина – княжеский сынок» и «женщина – уличная певица», но в процессе развития лирического сюжета герой и героиня меняются местами: героиня

¹⁵ Кулешова А.В. Категории контраста и оппозиции в лингвистике / А.В. Кулешова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2014. – №2 (87). – С. 4–7.

¹⁶ Ревзина О.Г. Безмерная Цветаева: Опыт системного описания поэтического идиолекта. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2009. – 600 с.

становится княжеской дочкой, а герой – уличным певцом. К подобному противопоставлению автор также прибегает для изображения контраста между реальностью и желаемым развитием событий, например: *В нынешней жизни – выпало так: // Мальчик поет, а девочка плачет. // В будущей жизни – любо глядеть – // Ты будешь плакать, а я буду – петь!* Стихотворения, в которых оппозиции нейтрализуются, характеризуют систему духовных ценностей поэта, согласно которой «быть мужчиной или женщиной – это второе, сначала – быть человеком, живым существом и личностью» [Ревзина 2006: 23]¹⁷. Противопоставляемые лирические персонажи становятся равными друг другу, различия между ними элиминируются, например: *Краса с другом – одна крепость! // Жена с мужем – одна пропасть!; Ты – господин, я – госпожа, // А главное – как ты, такая ж!* и др.

Очень часто для усиления эффекта противопоставления используется приём метафоры, который представляет собой употребление слова в переносном значении на основе сходства двух предметов или явлений. В данном случае контраст заключён не в самой фигуре метафоры, а между противопоставляемыми образами, оформленными при помощи этого тропа, например: *Я – деревня, чёрная земля, // Ты – мне луч и дождевая влага. // Ты – Господь и Господин, а я – // Чернозём – и белая бумага!* Здесь представлен традиционный взгляд на взаимоотношения полов: женщина, олицетворяющая дом и репродуктивную функцию, характеризуется слабостью и подчинена сильному элементу оппозиции, мужчине, который символизирует господство и покровительство. Обобщающая фраза представлена также через грамматическую оппозицию, выраженную личными местоимениями *я – ты*.

Метафора и метонимия могут активно взаимодействовать, концентрируясь в одном месте текста, например: *Луна Сарагоссы – и чёрный плащ. // Шаль – дó полу – и монах.* Стилистический приём конвергенции объединяет явления метонимии, метафоры и синтаксического параллелизма, способствуя созданию эффекта большей художественной выразительности. Графическая акцентировка (наличие тире между однородными подлежащими в односоставных номинативных предложениях: *Еврейка – испанский гранд...; Луна Сарагоссы – и чёрный плащ. // Шаль – дó полу – и монах*) обеспечивает визуальную противопоставленность членов оппозиции, подчёркивая их принадлежность различным социальным и религиозным кругам (простая девушка – испанский гранд, еврейка – католик).

Выделяются также стилистические фигуры, построенные на антитезе: акротеза, приём утверждения одного предмета за счёт отрицания другого; амфитеза, приём, при котором утверждаются оба из противоположных явлений, и диатеза, в которой присутствует двойное отрицание. Стилистический приём диатезы возникает, когда при характеристике какого-либо явления указывается на отсутствие у него противоположных качеств, что акцентирует значимость свойства, занимающего промежуточную ступень [Торосян 2005: 83-85]¹⁸, например:

---

¹⁷ Ревзина О.Г. Стратегия дара // Лики Марины Цветаевой: XIII Международная научно-тематическая конференция (Москва, 9–12 октября 2005 г.): Сб. докл., отв. редактор И.Ю. Белякова. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2006. – С. 23–30.

¹⁸ Торосян М.С. Феномен контраста в аспекте концептуальной организации художественного текста: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Торосян Мелине Самвеловна. – Ставрополь, 2005. – 184 с.

Расставание – не по-русски! // Не по-женски! Не по-мужски!; Не женщина и не мальчик, // Но что-то сильнее меня. Амфитеза объединяет два противоположных признака, наделяя объект описания всем диапазоном возможных характеристик: *Я и юноша, и дева.* Акротеза представляет собой утверждение одного признака за счёт отрицания противоположного, например: *Дочь – не сын; Не Грета – Ганс; не дочерней (любовью) – сыновне (люблю).*

Определённые смысловые и экспрессивные блоки также могут быть выделены при помощи графического оформления стиха. Как известно, графика стиха задаёт ритм поэтической речи, её интонацию, а также, соответствуя авторской интенции, структурирует смысл и выражает эмоциональную тональность стиха [Макарова 2013: 80]¹⁹. Ю.М. Лотман выделяет два типа графической акцентировки текста: графику ритмико-синтаксической интонации (пробелы, расположение стихов) и графику лексической интонации (шрифты) [Лотман 2016: 464]²⁰.

В стихотворении «Попытка ревности» графическая акцентировка лексической интонации представлена в следующей строфе: *Как живётся вам с **простою** // Женщиною? **Без** божеств? // Государыню с престола // Свергни (с оного сошед)...* Выделенные М. Цветаевой при помощи курсива языковые единицы *простая* и *без*, являясь разными частями речи, семантически сближаются, так как содержат общую сему отрицания: *простой* ‘не сложный, не трудный’ [МАС 3: 526]²¹; *без* ‘употребляется при указании на **отсутствие** кого-, чего-л’. [МАС 1: 68]. Кроме этого, наличие графического выделения в виде курсива в третьей строфе знаменует первый переломный момент в эмотивной ткани стихотворения. Лирическая героиня в первых двух строфах предстаёт относительно нейтральной к своей сопернице: в определительном местоимении *другая* на первый взгляд актуализируется лишь сема ‘кто-либо иной, посторонний’ [МАС 1: 448], которая не несёт в себе негативной коннотации. В третьей строфе появляется качественное прилагательное *простая* ‘несложная, легко доступная’, ‘обыкновенная’ [МАС 3: 526], которое может рассматриваться в качестве отрицательной характеристики. При интерпретации текста важно учитывать своеобразие графической системы стихотворения, так как она наряду с фонетическим, лексическим, синтаксическим и другими уровнями текста является носителем поэтических смыслов, создаёт смысловые приращения.

Гендерно маркированные прецедентные имена (*Кай* и *Снежная Королева*) вступают в смысловую оппозицию, но сопоставляют не мужчину и женщину, а двух женщин в стихотворении «Подруга», адресованном С. Парнок: *И гладила длинный ворс // На шубке своей – без гнева. // Ваш маленький **Кай** замёрз, // О **Снежная Королева**.* Наличие лексем мужского рода, служащих для создания образа лирической героини – распространённое явление в творчестве М. Цветаевой.

¹⁹ Макарова Л.С. Графическое оформление поэтической речи и его преобразования в переводе: (на материале переводов русской поэзии на французский язык) / Макарова Л. С. // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. – 2013. – Вып. 2. – С. 80–84.

²⁰ Лотман Ю.М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста / Ю.М. Лотман. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 704 с.

²¹ Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд. стереотип. – М.: Русский язык, 1985–1988. [МАС]

Особо насыщенным семантическими противопоставлениями представляется нам следующий контекст: *В городе Гаммельне столько ж Грет, // Сколько, к примеру, Гансов. // Ганс или Грета. Не Грета – Ганс. // За валунами в реку – // В Гаммельн за Гретами. Контраданс: // Коли не Ганс – так Грета.* Оппозиции, обнаруженные здесь, созданы следующими средствами: отрицательной частицей *не* (*не Грета – Ганс*); разделительным союзом *или* (*Ганс или Грета*); двойными союзами *коли не ... так* (*коли не Ганс – так Грета*), *столько ж ... сколько* (*столько ж Грет, сколько, к примеру, Гансов*). В данном случае наблюдается нейтрализация оппозиций: «важными становятся не отличия между мужчиной и женщиной, а их равное количество и гармоничное сочетание» [Ермакова 2013: 147]²². Употреблённые в форме множественного числа имена собственные (*Грет, Гансов*) становятся номинацией класса, то есть репрезентируют единое национальное сообщество, члены которого характеризуются близостью и отсутствием индивидуальности – чертами, высоко ценящимися в Гаммельне: *Итак, в семействе // Гаммельнском – местоименья «я» // Нет: не один: все вместе. // За исключением веских благ // Я – означает всяк.* Взаимодействие топонимов с антропонимами и нейтрализация оппозиций поддержаны звукописью, основанной на повторении начального звука *г* в именах собственных. Звуковое подобие в поэзии М. Цветаевой, по мнению Л.В. Зубовой, часто переходит в подобие смысловое [Зубова 1989: 48]²³, что даёт нам право предположить, что Ганс и Грета являются равноправными и могут быть взаимозаменяемыми. Приём аллитерации (повторение согласных *г, р, н, с, т*) служит средством выделения семантически важных элементов высказывания. Наиболее значимое слово в этом контексте актуализируется на общем звуковом фоне благодаря включению в свой состав опорных звуков: *Грета – Ганс – контраданс.* Лексема *контраданс*, которая содержит сему противопоставления (от фр. *contre* – ‘против’), скорее объединяет элементы оппозиции и акцентирует единство партнёров в танце (мужчины и женщины), так как контраданс – танец, в котором пары танцуют одна напротив другой. Кроме того, на протяжении всего танца дама и кавалер постоянно меняются в паре местами. Объединяя при помощи анаграммирования лексемы *Ганс, Грета* и *контраданс*, М. Цветаева подчёркивает мысль о том, что Ганс и Грета в городе Гаммельн так же легко заменяют друг друга, как партнёры во время контраданса. Приём языковой игры становится возможным благодаря изменению порядка следования имён в строке (*Грет – Гансов, Ганс – Грета, Грета – Ганс*), что дополняет образ танца элементом бесконечного кружения, своеобразного «гендерного круговорота».

Диалогизированная речь автора в одном из контекстов поэмы «Царь-Девница», напоминающая разговор человека с самим собой, также нацелена на снятие гендерных оппозиций: *Гляжу, гляжу, и невдомёк: // Девница – где, и где дружок? // Ты расплеться, верёвнице! // Где юноша? Где девница? // Тот юноша? – лицом кругла,*

²² Ермакова Л.А. Гендерные оппозиции в ономастическом пространстве поэзии Марины Цветаевой // Ярославский педагогический вестник. Гуманитарные науки: научный журнал. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2013. – № 2. – Том I (Гуманитарные науки). – С. 146–149.

²³ Зубова Л.В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. – Л.: Издательство Ленингр. ун-та, 1989. – 264 с.

// Тот юноша? – рука мала: // Одной косы две плёточки, // Две девицы-красоточки. // Да больно вид-то их таков, – // А ну-ка двое пареньков? // Тот девица? – глядит насквозь! // Тот девица? – коленки врозь! // Одной руки суставчики, // Два юноши-красавчика. // Чтoб не испортил нам смотрин // Неверный разум наш Фомин. – // Где царь не приложил печать, // Там надо нáдвое решать: // Кто сам с косою да в юбочке – // Тому пускай – два юноши. // Кто вокруг юбок веется – // Тому пускай – две девицы. В результате и Царь-девица, и царевич предстают перед читателем героями, «выпавшими» из своего пола, обладающими «некой уникальной сексуальной идентичностью, которая частично напоминает андрогинность, частично – асексуальность» [Шевеленко 2015: 168]²⁴.

Индивидуально-авторские смыслы в поэтической картине мира М. Цветаевой создаются преимущественно при помощи лексем с гендерно маркированным планом содержания. Установить гендерную маркированность подобных лексических единиц вне контекста не представляется возможным, так как основная смысловая и коннотативная нагрузка этих слов возникает при их употреблении в составе различных тропов. Выявление имплицитной гендерной маркированности лексических единиц способствует установлению субъективного взгляда автора на онтологический статус оппозиции *мужчина – женщина*. Гендерно маркированная лексика может выступать в роли сигнала авторских интенций и участвовать в формировании эстетического смысла текста.

В Главе 3 **«Языковые репрезентации концептуального пространства «Мужчина – Женщина» в поэтическом дискурсе М. Цветаевой»** рассматриваются гендерные концепты в поэтической картине мира М. Цветаевой. По нашим подсчётам, ассоциативные поля концептов «Мужчина» и «Женщина» являются одними из наиболее лексически наполненных. Особого внимания заслуживают заглавия и первые строки лирических произведений автора. Принято считать, что заголовок представляет собой своеобразно «уплотнённую аббревиатуру текста, особый экспрессоид» [Пронченко 2015: 145]²⁵, «компрессированное, нераскрытое содержание текста», которое «можно метафорически изобразить в виде закрученной пружины, раскрывающей свои возможности в процессе развёртывания» [Гальперин 2016: 133]²⁶. Наряду с заглавием, представляющим сильную позицию текста, важную роль в выдвижении ключевых образов и смыслов играет первая строка стихотворного текста, которая «задаёт жанр, размер, ритм, тему, вводит центральный образ, а также устанавливает отношение автора ко всему произведению» [Арнольд 1999: 232]²⁷. Кроме того, заглавие и начальная строка в функции наименования могут отражать

---

²⁴ Шевеленко И.Д. Литературный путь Цветаевой: идеология, поэтика, идентичность автора в контексте эпохи / Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 448 с.

²⁵ Пронченко С.М. Заглавия стихотворений И.А. Бунина: семантико-типологический аспект / С.М. Пронченко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 7 (49). Ч. II. – С. 145–148.

²⁶ Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / Отв. ред. Г.В. Степанов. Изд. 9-е. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – 144 с.

²⁷ Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сборник статей / Науч. редактор П.Е. Бухаркин. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – С. 223–238.

концептуальную картину автора, вмещая в себя ключевые слова, образы, символы как самого произведения, так и всего творчества автора. Методом сплошной выборки мы попытались установить соотношение стихотворений, в заголовке или первой строке которых представлены номинации концептов «Мужчина» и «Женщина», и общего числа лирических произведений автора. Количество исследуемых заглавий составило 450 единиц, стихотворений без авторских заголовков – 967. Соотношение наличия/отсутствия номинаций мужчины/женщины в заголовках или в первых строках лирических произведений отражено в Таблице 1.

Таблица 1

Заголовки		Первая строка в функции наименования	
всего	с номинациями М и Ж	всего	с номинациями М и Ж
450	169	957	120
37,5%		12,6%	

Полученные количественные данные свидетельствуют о том, что в творчестве М. Цветаевой преобладают незаглавленные стихотворения (68% от общего числа стихотворных текстов). Это может быть связано с тем, что содержание поэтического текста отличается высокой степенью компрессии, в связи с чем дальнейшее сжатие смысла на уровне заглавия невозможно. Однако показательно, что в тех случаях, когда автор считает необходимым озаглавить текст, в название в 37,5% случаев выносится номинация одного из ключевых концептов поэтического дискурса М. Цветаевой. Подобная рекуррентность концептов «Мужчина» и «Женщина» на уровне одной из самых сильных позиций текста свидетельствует об актуальности данных концептов в когнитивном сознании автора.

Интересно представлено соотношение языковых единиц, номинирующих концепты «Мужчина» и «Женщина» в заголовках и стихотворных зачинах (см. Таблицу 2):

Таблица 2

Субстантивные единицы, объективирующие концепт «Мужчина»	Субстантивные единицы, объективирующие концепт «Женщина»
187	134
58,3%	41,7%

Наблюдаем незначительный перевес в сторону лексем, актуализирующих концепт «Мужчина». Подобное профилирование (Р. Лангакер) концепта «Мужчина» подкрепляется данными исследования концептуальных полей «Мужчина» и «Женщина» на материале поэтического дискурса М. Цветаевой, которому посвящены второй и третий параграфы третьей главы диссертации.

Для анализа концептуального поля «Мужчина» нами были отобраны и проанализированы **853** лексемы (**3653** словоупотребления), семантически или ассоциативно указывающие на лицо мужского пола в произведениях автора. Концептуальное поле «Женщина» представлено **546** лексемами (**2043** словоупотребления). Оба поля в художественной картине мира М. Цветаевой организованы совокупностью нескольких микрополей, которые характеризуют

мужчин и женщин по степени родства, семейному и социальному положению, роду деятельности, религиозным, межличностным отношениям, по чертам характера/манере поведения/личным качествам и др. К дальней периферии обоих полей мы отнесли лексемы, входящие в микрополе «Метафорические и метонимические номинации мужчины и женщины», отражающие авторский комплекс понятий, представлений и эмоций, связанных с индивидуальным осмыслением мира и человека в нём.

Микрополе «Метафорические и метонимические номинации мужчины» отражает ту часть концепта, которая обусловлена поэтическим креативным сознанием и лучше, чем другие слои концепта, способствует выявлению индивидуально-личностных смыслов на фоне общенациональных. Согласно теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона, концептуальная система человека структурирована и определена посредством метафоры [Лакофф, Джонсон 2008: 27]²⁸, именно поэтому выявление метафорических моделей помогает сформировать наиболее полноценное представление о личностно-детерминированном мировидении автора.

В поэтическом дискурсе М. Цветаевой мы обнаружили целый ряд метафорических моделей, основанных на индивидуальных ассоциациях, а именно: «Мужчина – это животное», «Мужчина – это птица», «Мужчина – это божество или мифологическое существо», «Мужчина – это чувство»: – *А папа где? – Спи, спи, за нами Сон, // Сон на степном коне сейчас придет. // – Куда возьмет? – На лебединый Дон. // Там у меня – ты знаешь? – белый лебедь; // И от рогов – в полнебосвода – тень... // И древний дым полярных деревень... // Я поняла: Вы северный олень; Я думаю об утре Вашей славы, // Об утре Ваших дней, // Когда очнулись демоном от сна Вы // И богом для людей; Я учителю молча внимала. // Был он нежность и ласковость весь. // Он о «там» говорил, но как мало // Это «там» заменяло мне «здесь»!*

В художественном мире М. Цветаевой мужчина представлен в амбивалентном свете. С одной стороны, мужчина – это герой, боец, глава семьи, наделённый такими чертами, как храбрость, смелость, отвага, а с другой, слабый физически человек, хрупкий, неопытный, требующий постоянного внимания и заботы, что, возможно, объясняется биографией поэта, муж которой был слаб здоровьем, что зачастую вызывало серьёзные опасения у его близких. Более того, мужчина в мире М. Цветаевой – это прежде всего человек, не лишённый ничего человеческого, ему, как и женщине, в равной мере свойственны проявления нежности, ласки, скромности, сочувствия – всего того, что делает человека человеком.

Отличительной особенностью микрополя «Метафорические и метонимические номинации женщины» является наличие гендерно маркированных лексем, обозначающих лиц мужского пола, но служащих для создания образа лирической героини, например: *Мальчиком бегущим резво, // Я предстала Вам. // Вы посмеивались трезво // Злым моим словам...; Как я по Вашим узким пальчикам // Водила сонною щекой, // Как Вы меня дразнили мальчиком, // Как я Вам нравилась такой.* Следует упомянуть, что в М. Цветаевой было очень мало «девического» с

---

²⁸ Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

самых ранних лет. Её сестра в своих воспоминаниях пишет следующее: «Марина росла, как растёт молодой дубок» [Цветаева 1983: 6]²⁹, а А. Эфрон, дочь М. Цветаевой, отмечала, что у её матери была «фигура египетского мальчика» [Эфрон 2013: 32]³⁰. Будучи ребёнком, Марина заявляла о себе как о самостоятельной личности, не любила, когда её пытались ограничить какими-то рамками. Она смело проявляла своеволие, силу и превосходство в отношениях со своей младшей сестрой, а впоследствии со всеми окружавшими её людьми. Исключительная сила наблюдается уже в маленькой девочке. Хотя, по мнению Б. Парамонова, слово «девочка» в высшей степени неуместно, так как в М. Цветаевой не было ничего ангелического и детского: ребёнок как сильное и злое существо, он орёт и пинает няньку ногами [Парамонов 2010: 356]³¹. Кроме единичных лексем *мальчик* ‘ребёнок, подросток мужского пола’, ‘молодой, незрелый, несерьёзный человек’ [МАС 2: 223], *нёс* ‘собака’ [МАС 3: 113], в состав микрополя входят сверхсловные единицы: *спартанский ребёнок, тонуций корабль; змей, похитивший царевну; всем женихам жених; бродяга, родства не помнящий* и др. Одним из категориальных значений существительного *бродяга* является его принадлежность к общему роду, однако в стихотворении лексема приобретает значение мужского рода, что выражается синтаксическим показателем: действительное причастие *помнящий* согласуется с существительным *бродяга* и указывает на его род: *Я пришла к тебе чёрной полночью, // За последней помощью, // Я – бродяга, родства не помнящий, // Корабль тонуций.*

Явная противоречивость качеств лирической героини указывает на «соприсутствие» в личности самой М. Цветаевой свойств и черт, опровергающих друг друга. По мнению М. Цветаевой, жизнь является концентрацией самых разных красок, которые, дополняя друг друга, воспроизводят неоднозначную картину бытия. Исследовательница творчества М. Цветаевой И. Кудрова подмечает, что многозначность, многомерность, многоликость, резко контрастирующие грани, которые улавливала и запечатлевала в своём творчестве Марина Ивановна, присутствовали и в ней самой. Неоднозначность мгновения в любом проявлении всегда притягивала М. Цветаеву, которая никогда не спешила предпочесть одну сторону и отбросить другую [Кудрова 2006: 19]³².

Образ женщины, традиционно наделяющейся безальтернативной ролью супруги и матери, в начале XX века заметно меняется в сторону отказа от семейно-центрических ценностей и брачно-репродуктивных норм, что отражается, в первую очередь, в произведениях искусства. Укоренившийся облик женского лирического

---

²⁹ Цветаева А.И. Воспоминания. – М.: Советский писатель, 1983. – 768 с.

³⁰ Эфрон А.С. О Марине Цветаевой: Воспоминания дочери / Ариадна Эфрон. – М.: Алгоритм, 2013. – 304 с.

³¹ Парамонов Б.М. МЖ: Мужчины и женщины. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. – 479 с.

³² Кудрова И.В. Контрасты и лики Марины Цветаевой / И.В. Кудрова // Лики Марины Цветаевой: XIII Международная научно-тематическая конференция (Москва, 9–12 октября 2005 г.): сб. докл. / отв. редактор И.Ю. Белякова. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2006. – С. 9–20.

«я» лишается общепринятых коннотаций «женскости» [Дзуцева 2006: 66]³³, чему мы находим подтверждение в рассматриваемом нами концептуальном поле.

Ведущее место в концептосфере поэтического дискурса М. Цветаевой занимает человек как личность и все проявления его сущности в материальной и духовной культуре человечества. Ассоциативные поля концептов «Мужчина» и «Женщина» являются одними из наиболее лексически наполненных. Частотность языковых репрезентаций концептов «Мужчина» и «Женщина» на уровне таких сильных позиций текста, как заголовки и стихотворные зачины, свидетельствуют об актуальности этих базовых концептов в когнитивном сознании автора.

Мужчины и женщины в поэтических текстах М. Цветаевой мифологизируются, помещаются в разные культурные и временные контексты, наделяются противоречивыми качествами, что помогает поэту создать свой уникальный художественный код, который способствует раскрытию индивидуальной образной системы автора. Концептуальное поле «Мужчина» лексически насыщеннее концептуального поля «Женщина», что может свидетельствовать об андрогинной направленности творческого сознания М. Цветаевой, однако именно в концептуальном поле «Женщина» наиболее развёрнуто представлена метафорическая система цветаевского поэтического дискурса, что говорит о важности данного концепта в процессе художественного переосмысления действительности.

Изучение гендерного параметра языковых средств предоставляет исчерпывающие знания о структуре и семантике гендерных концептов, которые лучше всего изучать в живой ткани поэтического дискурса с учётом собственно лингвистических явлений и экстралингвистических факторов. Гендерные концепты способны качественно модифицировать семантическую структуру текста, обогатив как его эмотивный, так и эстетический коды.

В **заключении** обобщаются результаты и подводятся итоги проведённого исследования, намечаются перспективы дальнейшей работы.

Гендерная маркированность проявляется на всех уровнях языковой системы, от фонетики до синтаксиса, однако именно лексический уровень располагает всем необходимым арсеналом средств для фиксации тончайших смыслов, вкладываемых автором в концепты «Мужчина» и «Женщина». Выделяются два уровня гендерной маркированности: гендерная маркированность на уровне содержания и гендерная маркированность на уровне выражения. Именно имплицитная гендерная маркированность позволяет различить индивидуально-авторские смыслы во всём их комплексном содержании. Гендерно маркированные языковые средства приобретают в тексте дополнительные коннотативные оттенки и семантическое углубление, что позволяет выявить яркие черты поэтического идиостиля М. Цветаевой, специфику её языковой личности.

На материале поэтического дискурса М. Цветаевой нами были отобраны для анализа лексемы, актуализирующие концепт «Мужчина», и лексемы, объективирующие концепт «Женщина». Преобладание номинаций, указывающих

---

³³ Дзуцева Н.В. Поэтика автопортрета в лирике М. Цветаевой / Н.В. Дзуцева // Лики Марины Цветаевой: XIII Международная научно-тематическая конференция (Москва, 9–12 октября 2005 г.): сб. докл. / отв. ред. И.Ю. Белякова. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2006. – С. 63–76.

на лицо мужского пола, может свидетельствовать об андрогинном типе творческого сознания автора, однако богатство метафорических парадигм, структурирующих концептуальное поле «Женщина», свидетельствует о высокой коммуникативной значимости феминных номинаций. По нашим представлениям, творческое переосмысление традиционного образа женщины было исторически и культурно обусловлено, так как Серебряный век стал временем новых открытий в области взаимоотношений мужчины и женщины и явил новый образ феминности, который больше напрямую не ассоциировался исключительно с детородными функциями женщины.

Составленный нами частотный словарь гендерно маркированных номинаций даёт возможность проследить, как в количественном отношении сопоставлены ключевые концепты художественного дискурса М. Цветаевой, а также выявить закономерности построения концептуального поля. Обобщающие таблицы в приложениях диссертационного сочинения демонстрируют условное разделение концептуальных полей на микрополя и фиксируют лексическую наполненность каждого микрополя, что позволяет выделить основные концептуальные признаки и их значимость в формировании поля. Наиболее актуальными и коммуникативно важными для построения поэтического универсума оказались лексемы *друг, сын, брат, мальчик, девочка, жена, женщина, мать* и их дериваты. Эти данные совпадают со сведениями, полученными при изучении концептов «Мужчина» и «Женщина» в русской языковой картине мира, в которой мужчина и женщина характеризуются в первую очередь по родственным и семейным связям. Однако поэтическое словоупотребление отличается от данных, зафиксированных словарями, так как поэт переосмысливает сущность окружающих её явлений действительности и строит яркие ассоциативные связи, зачастую творя семантику слова заново. Именно поэтому лексема *девушка* в стихотворении М. Цветаевой может активно участвовать в создании образа лирического героя: *Взрос ты, впоенная солнышком веточка, // Рая явленье, // Нежный как девушка, тихий как деточка, // Весь – удивленье*. А лексема *мальчик* является номинацией лирической героини: *Мальчиком бегущим резво, // Я предстала Вам*.

Таким образом, поэтический дискурс М. Цветаевой является ярким отражением её языковой личности, предоставляя читателю важную культурную информацию, преобразованную её творческим сознанием. Глубинный смысл поэтических произведений автора возможно понять только при тщательном рассмотрении гендерно маркированных языковых средств в их контекстуальном воплощении.

Перспективой данного исследования является изучение гендерно маркированных языковых средств в прозаических произведениях М. Цветаевой, в эпистолярном наследии автора, углубление научного представления о структуре и семантике гендерной метафоры и сопоставление особенностей языковых репрезентаций концептов «Мужчина» и «Женщина» в художественном творчестве М. Цветаевой и других писателей Серебряного века.

Приложение включает частотный словарь гендерных номинаций, актуализирующих концепты «Мужчина» и «Женщина» в поэтическом дискурсе М. Цветаевой, а также представляет структуру рассматриваемых концептуальных полей.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК

Министерства образования и науки Российской Федерации

1. Ермакова Л.А. Семантическое поле «Женщина» в лирике М. Цветаевой // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова: Научно-методический журнал. Том. 18. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2012. – № 4. – С. 82–85 (0,36 п.л.).
2. Ермакова Л.А. Гендерные оппозиции в ономастическом пространстве поэзии Марины Цветаевой // Ярославский педагогический вестник. Гуманитарные науки: научный журнал. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2013. – № 2. – Том I (Гуманитарные науки). – С. 146–149 (0,36 п.л.).
3. Ермакова Л.А. Гендерно маркированные языковые средства в стихотворении М. Цветаевой «Попытка ревности» // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова: Научно-методический журнал. Том. 19. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. – № 4. – С. 126–128 (0,29 п.л.).
4. Ермакова Л.А. Изучение поэтического языка М. Цветаевой в гендерном аспекте: проблемы и перспективы // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова: Научно-методический журнал. Том. 20. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2014. – № 5. – С. 182–184 (0,35 п.л.).

Статьи, опубликованные в других изданиях

5. Ермакова Л.А. Смысловая оппозиция *мужчина – женщина* в лирике М. Цветаевой // Духовно-нравственные основы русской литературы: сб. материалов третьей международной научной конференции «Духовно-нравственные основы русской литературы» (Кострома, 12–13 мая 2011 года) / науч. ред. Ю.В. Лебедев; отв. ред. А.К. Котлов. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. – С. 281–284 (0,3 п.л.).
6. Ермакова Л.А. Структурно-смысловое своеобразие семантического поля «Женщина» в ранней лирике М. Цветаевой // Вопросы теории и практики преподавания английского языка: сб. науч. тр. / отв. ред., сост. М. Е. Дубова. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011. – С. 23–28 (0,33 п.л.).
7. Ермакова Л.А. Концепт «Мужчина» в поэтической картине мира М. Цветаевой // Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения единиц языковой номинации: Материалы международной научно-практической конференции (г. Кострома, 22-24 марта 2012 г.) / Под. науч. ред. А.М. Мелерович. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2012. – С. 190–193 (0,34 п.л.).
8. Ермакова Л.А. Современные гендерные исследования литературно-художественного дискурса // Збірник центру наукових публікацій «Велес» за матеріалами міжнародної науково-практичної конференції 2 частина: «Інноваційні підходи і сучасна наука», м. Київ: збірник статей (рівень стандарту, академічний рівень). – К.: Центр наукових публікацій, 2017. – С. 126–135 (0,63 п.л.).

Формат 60×84/16 Объем 1,5 п.л.
Тираж 100 экз. Заказ № _____

Отпечатано: Салон оперативной печати «GUT» ИП Ульрих С.А.
156000, г. Кострома, ул. Щемилровка, д. 15
Тел. 8-915-929-02-22, E-mail: gud-poly@yandex.ru